

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. С. СОРОКИН

ОБ ОДНОЙ ОШИБОЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ В ВОПРОСЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА *

Борьба за чистоту и последовательность диалектико-материалистического мировоззрения является в наше время неперемным условием развития науки. Какие бы то ни было уступки на этом пути недопустимы. Мы думаем, что именно этими соображениями следует объяснить появление статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», напечатанной в № 5 журнала «Вопросы философии» за 1955 г. В этой статье Б. Ф. Поршнев констатирует, что за последние годы в советской науке о происхождении человеческого общества появилась опасная тенденция расхождения с марксистско-ленинской теорией, проявляющаяся главным образом в идеалистическом понимании возникновения труда. Эта исходная ошибка, по мнению Б. Ф. Поршнева, ведет некоторых советских ученых, особенно археологов, к ряду других ошибок, заставляя их «примысливать» черты, свойственные человеку и человеческому обществу, той стадии развития предков человека, когда они были еще животными. Подобные идеалистические и вульгарно-материалистические ошибки ряда советских ученых, по мнению Б. Ф. Поршнева, тормозят и заводят в тупик советскую науку о происхождении человека, так как препятствуют применению методов естественных наук к изучению того периода его истории, когда на смену биологическим законам развития еще не появились законы социальные. Подвергнув критике указанные ошибки советских ученых, Б. Ф. Поршнев предлагает свою собственную теорию происхождения человека, которая, как он пытается доказать, соответствует духу марксизма.

Мы не будем рассматривать справедливость упреков в идеализме и вульгарном материализме, брошенных Б. Ф. Поршневым в адрес советских ученых, хотя и считаем, что для этих упреков имеется достаточно оснований. Такую работу необходимо проделать, и с этой точки зрения появление упомянутой статьи Б. Ф. Поршнева вполне оправдано. Но в настоящее время важнее отметить, что выступление Б. Ф. Поршнева не только не улучшило, но скорее ухудшило положение. Ниже мы попытаемся показать, что Б. Ф. Поршнев, субъективно стремясь направить советскую науку о происхождении человека по пути марксистско-ленинской теории, объективно сам впал в ошибки и дал неправильную интерпретацию широко известных высказываний классиков марксизма, касающихся интересующего нас вопроса.

Основой как своих критических, так и своих позитивных построений Б. Ф. Поршнев делает защищаемый им тезис о существовании двух форм труда: инстинктивного, свойственного некоторым видам животных, и

* Настоящая статья, как и публикуемая вслед за ней статья Г. Хрустова, является откликом на статью Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», напечатанную в журнале «Вопросы философии», 1955, № 5.

осмысленного, человеческого. Отправляясь от этого тезиса, Б. Ф. Поршнев предлагает следующую схему истории возникновения человеческого общества.

В течение весьма длительного времени, измеряемого несколькими сотнями тысячелетий, на земле существовал биологический вид, являющийся переходным между животным и человеком. Одной из особенностей этого вида была способность изготавливать каменные орудия и производить с их помощью трудовые операции. Однако, чтобы не сбиться на идеалистическую точку зрения, необходимо помнить, что этот вид имел лишь биологическую связь со своими орудиями, а свойственный ему «труд» носил чисто инстинктивный характер. Такой «труд» принципиально отличается от человеческого труда тем, что в нем не участвовало сознание, и он совершенно совпадал с «трудовыми» операциями, совершаемыми пауком, дятлом, пчелой или бобром («обезьяно-люди качественно не отличались этим признаком от других делающих зачаточные орудия животных, хотя бы он и был выражен у обезьяно-людей более ярко, чем у бобров», стр. 154). Особи, принадлежавшие к этому виду, вели стадный образ жизни, причем такое стадо ничего общего с человеческим обществом не имело, — это было «явление чисто биологическое и в этом смысле противоположное обществу» (стр. 155). Так как труд был чисто инстинктивным, то на этой ступени развития нельзя предполагать каких-либо форм собственности на средства производства, а следовательно, и наличия производственных отношений. Словом, на этой ступени своего развития особь данного вида не имела ничего общего с человеком, кроме сходства в физической организации, и поэтому ее следует называть обезьяно-человеком («...хотя телом они уже похожи на людей, сущностью они еще не люди, а животные. Только в таком случае понятие обезьяно-человек имеет смысл», стр. 154). В процессе своей биологической эволюции этот обезьяно-человек накопил ряд предпосылок, обеспечивших возможность скачка к человеческой сущности. Сюда относятся: прямохождение, привычка к мясной пище, пользование зачаточными орудиями, высокоразвитая высшая нервная деятельность (стр. 154).

По существующей археологической периодизации время существования такой переходной формы, время обезьяно-человека, охватывает весь нижний палеолит, а из известных нам древнейших форм ископаемых людей сюда должны быть отнесены питекантроп, синантроп, гейдельбержец и т. п. Это все еще животные, и «труд» их инстинктивный, а не человеческий. Только в самом конце нижнего палеолита (или среднего палеолита, как считают некоторые), в эпоху позднего мустье, на стадии неандертальца, намечается некоторый перелом. В это время спорадически появляются орудия для производства орудий и «комбинированные», или составные орудия, что свидетельствует не только о новом этапе в развитии психики обезьяно-людей, но и о зарождении производства.

Появление человека современного типа, *Homo sapiens*, что совпадает с началом новой эпохи в истории развития орудий труда — верхним палеолитом, является моментом выделения человека из животного мира и началом общественной истории. Именно к этому моменту, по мнению Б. Ф. Поршнева, относятся слова Энгельса о том, что «люди вступили в историю еще в полуживотном состоянии», что «дикие, беспомощные перед силами природы, не знакомые со своими собственными силами, они были бедны, как животные, и производили немногим больше их»¹. К этим словам Энгельса Б. Ф. Поршнев добавляет: «Еще долгие тысячелетия позднего палеолита ушли на то, чтобы преодолеть это состояние. Это было время взаимодействия и борьбы биологических и вновь возникших социальных закономерностей, завершившееся господством последних. Это было время диалектического перехода от инстинкта к сознанию» (стр. 155).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 181.

Такова точка зрения Б. Ф. Поршнева, которую он выдвигает как диалектическую и материалистическую, в противоположность вульгарно-материалистическим и идеалистическим взглядам. Вероятно, и редакция журнала «Вопросы философии» сочла точку зрения Б. Ф. Поршнева марксистской, так как иначе трудно было бы объяснить появление статьи последнего без какого-либо редакционного примечания. Разберем концепцию Б. Ф. Поршнева именно с точки зрения ее соответствия диалектико-материалистическому мировоззрению.

Совершенно ясно, что, оставаясь материалистом, нельзя не признать необходимость какого-то периода, в течение которого совершился переход от биологических форм жизни к социальным. Отрицание такого периода делает указанный переход необъяснимым с научных позиций и неизбежно ведет к признанию вмешательства сверхъестественных сил, т. е. к идеализму. Именно против отрицания такого переходного периода и выступает Б. Ф. Поршнев в своей статье, когда он критикует теоретические положения некоторых советских ученых. Здесь с ним нельзя не согласиться. Но так как Б. Ф. Поршнев выступает и со своей позитивной точкой зрения, которую он предлагает считать марксистской, мы не можем ограничиться этим общим согласием, а должны рассмотреть теоретическое содержание его концепции.

Установим прежде всего, о чем идет речь. Речь идет об одном из величайших событий в истории развития природы — о появлении человеческого общества. Так как для нас является несомненным, что человечество появилось из животного мира, то речь идет о переходе от животного мира к человеческому обществу, от биологических законов развития к социальным, о смене законов, по которым совершается развитие.

Каково было содержание этого поистине величайшего скачка в истории развития природы? Как увидим, ответ на этот вопрос является решающим для определения идейного содержания концепции Б. Ф. Поршнева, и поэтому нам придется уделить ему некоторое внимание.

Если в процессе развития совершается переход от одного явления к другому, то он не может протекать иначе, как период, соединяющий черты старого и нового явления, период сосуществования и борьбы старого и нового, завершающийся победой нового над старым. Применительно к интересующему нас конкретному вопросу это означает, что между периодом, когда все развитие жизни на земле протекало по биологическим законам, и периодом, когда часть этой жизни, представленная ее высшей формой — человечеством, стала протекать по законам социальным, — должен был существовать переходный период, соединявший черты биологической и социальной жизни, период сосуществования и борьбы этих взаимно противоположных форм. При этом совершенно ясно, что в начале этого периода биологическое еще преобладало, господствовало почти безраздельно, а социальное лишь нарождалось, было слабым. Лишь с течением времени более прогрессивное социальное, все усиливаясь и раскрывая все новые и новые возможности, заняло ведущее положение, сменив биологическое в качестве основы развития.

Б. Ф. Поршнев признает необходимость перехода между животным миром и человеческим обществом; он с полным сочувствием цитирует слова Энгельса о том, что, «признав происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое переходное состояние»²; он стоит за употребление предложенных Энгельсом понятий «формирующиеся люди» и «готовый человек». Но как же он понимает этот переход? Внимательно вчитываясь в содержание статьи Б. Ф. Поршнева, мы убеждаемся, что признание необходимости указанного периода у него чисто словесное, логически не связанное с его основной идеей.

В самом деле, какое содержание вкладывает Б. Ф. Поршнев в понятие

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 9.

перехода от биологического к социальному? Он считает, что с появлением первых орудий труда и до верхнего палеолита развитие протекало в чисто биологических рамках. Труд в течение всего этого периода чисто инстинктивный, ничем не отличающийся от «труда» бобра, дятла или паука; существование стадное, причем стадо представляется категорией чисто биологической, не только не содержащей в себе ничего социального, но и прямо противоположной ему; ни о каком мышлении, даже зачаточном, в течение всего этого периода не может быть и речи — вся психическая деятельность протекает в рамках первой сигнальной системы, свойственной животным; нет никаких производительных сил, хотя бы зарождающихся, как нет и никаких производственных отношений, хотя бы самых примитивных; соответственно нет и никакой надстройки. Словом, нет ничего социального даже в самом зачаточном состоянии, даже в истоке своего развития. А что же есть? Есть высокоразвитый вид животных, по своей телесной организации близкий к людям, но развивающийся целиком по биологическим законам, т. е. стихийно приспособляющийся к окружающей среде посредством закрепляемых передач по наследству полезных морфологических изменений и инстинктивных норм поведения. Процесс этой биологической эволюции, протекавший в зависимости от инстинктивного изготовления и употребления орудий «труда», продолжался до тех пор, «пока накопление количественных изменений в этой деятельности не привело к возникновению нового качества — общества, а вместе с ним второй сигнальной системы и человеческого разума» (стр. 148). Признавая на словах наличие перехода от животного к человеку, Б. Ф. Поршнев фактически отрицает такой переход, для него может существовать либо животное, либо человек; либо стадо обезьян, либо человеческое общество; либо инстинкт, либо разум. За словами о «накоплении количественных изменений», как об основе для перехода к новому качеству, не кроется ничего, так как подразумеваются чисто биологические изменения, а следовательно, таким «накоплением» предпосылок очеловечения можно считать всю историю эволюции животного мира, в которой обезьяно-человек лишь составит последнее звено.

Б. Ф. Поршнев совершенно прав, когда он критикует то действительно распространенное мнение, что вместе с первыми орудиями труда возникли и речь, и мышление, и производство в полном значении этих понятий. Совершенно верно, что появление первых орудий труда автоматически не влекло за собой одновременного появления всех этих присущих «готовому человеку» явлений. Но Б. Ф. Поршнев впадает в другую крайность и делает не меньшую ошибку, фактически отрицая возможность постепенного и, вероятно, одновременного возникновения этих явлений частично еще на стадии «формирующегося человека», чем делает их появление на стадии «готового человека» необъяснимым.

Так, Б. Ф. Поршнев отрицает возникновение производства в эту раннюю пору на том, в частности, основании, что не считает возможным допустить наличие в первобытном человеческом стаде каких-либо производственных отношений, которые он сводит только к отношениям, вытекающим из той или иной формы собственности на средства производства, чего вообще не могло быть в условиях инстинктивного труда. Отнесение же к производственным отношениям «всяких отношений между индивидами в процессе труда» он считает «крайним упрощением» (стр. 148).

Вряд ли нужно доказывать, что ограничение понятия «производственные отношения» только отношениями людей, основанными на той или иной форме собственности на средства производства, как раз и является «крайним упрощением», в особенности в применении к эпохе формирования человечества. И этот узкий взгляд на содержание понятия «производственные отношения» имеет у Б. Ф. Поршнева в своей основе представление о производственных отношениях, как о чем-то законченном, раз и навсегда данном. Мы считаем, что производственные отношения, как и все прочее

в истории человечества, должны были возникнуть первоначально в простейших формах, например в форме разделения труда между полами (что как будто наблюдается в эпоху неандертальца), чтобы потом, постепенно усложняясь, принять в определенный момент тот развитый характер, который только и имеет в виду Б. Ф. Поршнев.

Неправильность построений Б. Ф. Поршнева сказывается уже в его положении о существовании в процессе возникновения человечества двух форм труда. Предположив существование как труда инстинктивного, биологического, так и труда сознательного, общественного, Б. Ф. Поршнев мыслит их как взаимоисключающие друг друга сущности и поэтому наделяет предка человека именно биологической, инстинктивной формой труда. Это он делает на том основании, что считает возможным существование инстинктивной формы труда у животных, стоящих на совершенно различных уровнях биологической эволюции, например, у насекомых, рыб, птиц и млекопитающих. Действительно, почему бы нашему ближайшему животному предку не обладать способностью к инстинктивной трудовой деятельности, если ею обладает, например, паук или дятел? Но при всем этом Б. Ф. Поршнев оставляет без внимания тот высокий уровень развития высшей нервной деятельности, который отличал нашего предка от всех существующих и существовавших видов животных. Правда, Б. Ф. Поршнев считает, что переход к человеку был бы необъясним и мистичен без учета этого условия, но высокоразвитая психическая деятельность нашего предка рассматривается им лишь как предпосылка, а не как компонент процесса очеловечения. Б. Ф. Поршнев оставляет без внимания тот факт, что инстинктивные операции, носящие характер трудовых у нашего ближайшего животного предка, не могли не оказать воздействия на развитие его психических способностей и притом, учитывая сравнительно очень высокий уровень их развития и конечный результат, в совершенно новом, чем это могло быть у других видов, направлении.

Чрезвычайно высокий уровень развития высшей нервной деятельности у нашего ближайшего предка (конечно, наряду с другими морфологическими признаками) и представлял то количественное отличие его от других животных, которое делало возможным переход к новому качеству. При этом условия трудовая деятельность наших предков приобретала с самого начала новые возможности, пробудив первые проблески сознания и развиваясь не столько по линии уточнения и усложнения инстинкта, сколько по линии взаимодействия с сознанием, при все более расширяющемся кругозоре, причем сознание развивалось именно в меру развития трудовой деятельности.

Формирование человека не сводилось к чисто биологической эволюции, но сама эта эволюция в своем движении все более и более обуславливалась и направлялась новым явлением — трудовой деятельностью, развитие которой, в свою очередь, зависело на данном этапе от уровня биологического усовершенствования и усложнения организма нашего предка, включая и его психические возможности. Лишь тогда, когда степень морфологического и психического развития достигла такой ступени, на которой развитие орудий труда оказалось возможным в темпе, превышающем возможности биологического развития, действие биологических законов оказалось снятым и было заменено законами общественного развития.

Факт изменения орудий человека при стабильности его собственной телесной организации Б. Ф. Поршнев считает свидетельством решающего скачка, появлением человеческого общества, не приспособляющегося к природе, а господствующего над ней. Развитие производительных сил сняло действие закона естественного отбора. С этим можно было бы в принципе согласиться, если бы не некоторые связанные с этим вопросом пояснения Б. Ф. Поршнева.

Б. Ф. Поршнев считает, что появление в середине и конце мустье первых захоронений является свидетельством начала указанного выше скачка, так

как эти погребения «говорят о зарождении какого-то нового отношения к жизни, болезни и смерти людей» (стр. 153). Напрасно Б. Ф. Поршневу высказывается здесь яснее. Следовало сказать, что эти погребения дают нам право утверждать, что у неандертальцев было уже довольно развитое мышление, не только улавливающее противоположность таких явлений, как жизнь и смерть, но и пытающееся так или иначе объяснить себе это. Признать такой уровень сознания за начальный никак нельзя, и в этом случае логика требует отнесения времени возникновения сознания к значительно более ранней эпохе, т. е. к тому времени, когда по Б. Ф. Поршневу, еще безраздельно господствовали биологические законы развития и мышления не могло быть. Это логическое противоречие, в котором Б. Ф. Поршневу не хочет себе признаться, есть результат неправильного понимания перехода от одного качественного состояния к другому, результат неправильного понимания скачка.

Б. Ф. Поршневу признает, по крайней мере, на словах, длительность скачка, приведшего к появлению человеческого общества. И хотя он оговаривается, что «изучение перехода от стада к обществу, от инстинктивного человека к сознательному — тема для других статей» (стр. 153), мы не можем игнорировать тот факт, что содержание этого перехода им оставлено без внимания. Между тем в вопросе о том, какое объяснение перехода от животного к человеку является материалистическим и какое идеалистическим, характеристика содержания этого перехода имеет решающее значение.

Не предвещая вопроса, Б. Ф. Поршневу все же предполагает, что «наш предок вступил в мустьерскую эпоху еще животнобразным существом, человекоподобным животным, а вышел из нее человеком, общественным существом» (стр. 153). Это и был скачок, длившийся десятки тысяч лет.

В принципе трудно что-либо возразить против такого понимания скачка, разве что можно не согласиться с его начальной датой. Но, признавая мустьерское время периодом перехода от животного стада к человеческому обществу, Б. Ф. Поршневу не находит в этом времени места для возникающей человеческой сущности, целиком отдавая его биологии, несмотря даже на некоторые известные факты, вроде, например, упомянутых выше неандертальских погребений. Ведь только с появлением *Homo sapiens*, да и то далеко не сразу, Б. Ф. Поршневу связывает появление производства, общества, мышления и речи. Он так и пишет: «В эту свою общественную историю наш предок вступил не с наследием накопленных производительных сил, а в историческом смысле новорожденным, с одним лишь биологическим наследием» (стр. 155).

В чем же заключается скачок от животного к человеку, занявший мустьерское время, если уже после появления *Homo sapiens* в течение «долгих тысячелетий» позднего палеолита совершались борьба биологических и социальных закономерностей и «диалектический переход» от инстинкта к сознанию? Очень трудно, пожалуй невозможно, ответить на этот вопрос. Если быть последовательным, то, следуя за Б. Ф. Поршневым, время перехода от животного мира к человеческому обществу придется начинать не с мустье и неандертальца, а с верхнего палеолита и *Homo sapiens*, хотя Б. Ф. Поршневу и утверждает первое. «Примыслив» формирующемуся человеку биологическую форму труда и лишив его на этой основе возможности приобретения человеческих свойств, кроме сближения с человеком по морфологическим признакам, Б. Ф. Поршневу загнал нашего предка в тупик, предложив ему выход в виде «скачка», содержание которого известно одному лишь Б. Ф. Поршневу, так как борьбу биологических и социальных закономерностей и победу последних (что только и могло быть содержанием такого скачка) он относит ко времени после того, как этот скачок (по крайней мере, по его мнению) уже совершился.

Единственно правильным пониманием содержания скачка от биологического к социальному может быть признание того, что в процессе трудо-

вой деятельности, развивавшейся во взаимодействии с возникшим на базе этой деятельности сознанием, постепенно, шаг за шагом, в последовательности и взаимодействии, которые еще следует установить, возникают все черты «готового человека», начиная с его телесной организации и кончая управляющими его бытием законами материального производства. Все эти черты возникают в борьбе с противоположными им биологическими чертами: сознание — в борьбе с инстинктами, общественность — в борьбе со стадностью, производительные силы — в борьбе с естественным отбором. Борьба эта начинается с возникновением трудовой деятельности и продолжается до победы социальных закономерностей над биологическими. Это и есть скачок. Все дальнейшие столкновения общественного с биологическим представляют собой лишь борьбу с пережитками, оказывающими свое влияние на общественную жизнь, но ни в коей мере не определяющими направление и характер ее развития. Эта борьба продолжается и в настоящее время и, вероятно, полностью не прекратится никогда.

Пусть никого не смущает длительность упомянутого скачка: от появления первых орудий до «готового человека», по современным представлениям, протекло около 900 тыс. лет. Эта цифра может смутить тех, для кого диалектика сводится к сумме примеров хрестоматийного порядка, вроде превращения воды в пар, как примера перехода количества в качество.

Процесс перехода в новое качество — сосуществование и борьба старого и нового качества, завершающаяся победой нового, — протекает во времени (это справедливо в отношении любого скачка, даже самого «мгновенного»), и это время может быть совершенно различным в зависимости от условий и характера превращающихся явлений. Скорость протекания скачка — понятие относительное. Мы думаем, что по сравнению с периодом, когда жизнью на земле управляли исключительно биологические законы, время перехода к социальным законам, исчисляемое сотнями тысяч лет, не может считаться продолжительным.

Нам нет необходимости детально рассматривать всю аргументацию Б. Ф. Поршнева, так как вся она сводится к доказательству лишь следующего: переходной формой от стада животных к человеческому обществу являлось стадо животных, обладавших способностью к инстинктивной трудовой деятельности; в процессе биологической эволюции этого стада, особи, его составлявшие, накопили ряд признаков, превращавших их, с морфологической точки зрения, в людей; а одновременно протекавшая эволюция инстинктивной трудовой деятельности привела к тому, что произошел скачок — труд инстинктивный превратился в труд осознанный, человеческий, возникли общество, общественное производство и мышление, а вместе с ним и речь, и началась общественная история. Видимо, сознавая, что мгновенное превращение биологического в социальное выглядит как некое чудо, Б. Ф. Поршнев добавляет: когда люди выделились из животного мира, начинается время «взаимодействия и борьбы биологических и вновь возникших социальных закономерностей, завершившееся господством последних», период «диалектического перехода от инстинкта к сознанию» (стр. 155). Мы указывали, что эта оговорка не может быть принята, так как появление человеческого общества, которое Б. Ф. Поршнев связывает с *Homo sapiens*, могло произойти, по его мнению, только после снятия биологических закономерностей развития и замены их социальными.

На этом можно бы и закончить. Но в своей статье Б. Ф. Поршнев настойчиво проводит мысль, что во всех своих построениях он исходит из правильно понимаемых им высказываний классиков марксизма-ленинизма. Следует затронуть, хотя бы очень кратко, и эту сторону его работы.

Обвинив, и, по нашему мнению, справедливо, некоторых советских ученых в попытках ревизовать марксизм в вопросах происхождения человеческого общества, Б. Ф. Поршнев просит читателя не сетовать на то, что ему приходится подвергнуть специальному рассмотрению «все (как он

утверждает.— В. С.) высказывания классиков марксизма по этому вопросу» (стр. 147). В результате этого рассмотрения Б. Ф. Поршневу приходит к тому, что классики марксизма признавали две формы труда — инстинктивную, свойственную некоторым животным, и такую, где участвует и сознание, свойственное человеку. Отсюда выводится, что классики марксизма признавали стадию инстинктивного человека, *Homo instinctivus*, который был животным, а не человеком, и жил чисто биологическим стадом, не содержащим в себе ничего человеческого.

Ввиду того, что подобная интерпретация высказываний классиков марксизма по данному вопросу, по нашему мнению, неверна, мы тоже вынуждены остановиться на рассмотрении соответствующих высказываний, с той разницей, что мы не претендуем на рассмотрение их всех, а ограничимся лишь некоторыми из тех, на которых Б. Ф. Поршневу основывает свою критику советских ученых и свою собственную концепцию.

Начнем с того места в 5-й главе I тома «Капитала», в котором Б. Ф. Поршневу усмотрел признание Марксом труда у животных и «инстинктивного человека», являющегося не человеком, а животным. Действительно, Маркс говорит, что в этой главе он не будет рассматривать «первых животнобразных инстинктивных форм труда» и что в «глубинах первобытных времен» был такой период, «когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы»³. Но разве отсюда следует, что труд может существовать не только в своей человеческой, общественной форме, но и в форме инстинктивной, биологической? Маркс здесь говорит, что в самом начале человеческой истории труд носил животнобразную форму и не освободился от своей примитивной инстинктивной формы. Но он говорит здесь об истории ч е л о в е ч е с к о г о труда, а не о двух формах труда. Сравнение сознательного труда архитектора и инстинктивной деятельности пчелы, непосредственно связанное с приведенными высказываниями, говорит лишь о принципиальном отличии специфически человеческого труда от внешне похожей на труд человека инстинктивной деятельности животных.

Но, может быть, Маркс признает две формы труда, когда несколько дальше пишет, что «употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...»⁴? Никким образом. Ведь речь идет о зародышевой форме создания и употребления средств труда у некоторых животных, а не о существовании инстинктивной, биологической формы труда. Маркс показывает здесь, что человеческий труд имел своей предпосылкой определенные формы деятельности, встречающиеся и у животных. Но Маркс ни здесь, ни в каком-либо другом месте никогда не говорил о существовании наряду с человеческой, общественной, еще и биологической формы труда. Тем менее он мог допускать возможность существования такой формы труда, как фактора возникновения человека и человеческого общества.

Характерно, что одиннадцать лет спустя после выхода в свет первого тома «Капитала» Энгельс в работе, специально посвященной роли труда в процессе превращения обезьяны в человека, ни словом не обмолвился о том, что он имел в виду труд инстинктивный, биологический, когда говорил о его влиянии на формирование человека. Б. Ф. Поршневу пытается доказать, что и в этой работе один из классиков марксизма вполне солидарен с ним и признает существование *Homo instinctivus*, инстинктивного существа, животного, совершенно лишенного хотя бы зачатков сознания. При этом Б. Ф. Поршневу тщательно обходит одно высказывание Энгельса, наносящего удар всей концепции Б. Ф. Поршнева.

Энгельс пишет: «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом впе-

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 185.

⁴ Там же, стр. 186—187.

ред кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*⁵. Совершенно ясно, что Энгельс говорит здесь не о готовом, а о формирующемся человеке, т. е. как раз о том существе, переходном от животного к человеку, которому Б. Ф. Поршнев совершенно отказал в человеческих качествах. Как видим, Энгельс считал, что именно вместе с развитием руки и труда расширялся и кругозор человека, который стал открывать в предметах природы все новые и новые свойства и применять их себе на пользу, что было и началом господства над природой. Энгельс здесь подчеркивает возникновение в процессе развития труда первых элементов сознания, которые постепенно привели к тому, что формирующиеся люди, будучи общественными существами, пришли и к членораздельной речи. Вряд ли можно после этого отрицать, что Энгельс признавал наличие примитивного, формирующегося сознания у формирующихся людей. А если это так, то и труд этих людей не мог быть чисто биологическим, инстинктивным, раз какие-то зачатки сознания у них существовали и развивались.

Как видим, Энгельс стоял на той точке зрения, что между животным и человеком существовал формирующийся человек, т. е. животное, на базе трудовой деятельности все более и более очеловечивающееся в широком смысле этого понятия, а не какой-то надуманный Homo instinctivus — животное со всех точек зрения, способное только к инстинктивной деятельности и не наделенное никакими, хотя бы самыми слабыми, проблесками человеческого сознания. Энгельс допускал в этом переходном состоянии начало господства над природой; Б. Ф. Поршнев допускает лишь наличие наследственно закрепленной в форме безусловных рефлексов чисто биологической приспособленности к окружающей природе. Энгельс, предполагая постепенное, в процессе трудовой деятельности, появление человеческих качеств, разумеется, в начале примитивных, неразвитых, но постепенно все более и более развивающихся и совершенствующихся, показывает, как проходил переход от животного к человеку; Б. Ф. Поршнев допускает на этой ступени развития лишь накопление некоторых количественных предпосылок очеловечивания. Б. Ф. Поршнев прав, выступая в защиту термина «первобытное стадо» как термина, характеризующего переходный этап от животного к человеку. Он совершенно прав и в том, что считает этот ленинский термин отвечающим марксистскому пониманию происхождения человека. Но Б. Ф. Поршнев совершенно искажает тот смысл, который только и можно вложить в этот термин, предложенный В. И. Лениным, когда считает, что стадо здесь нужно понимать как «явление биологическое и в этом смысле противоположное обществу». В известном письме А. М. Горькому, написанном в декабре 1913 г., В. И. Ленин отметил, что «зоологический индивидуализм» обуздали «и первобытное стадо, и первобытная коммуна»⁶. Каким же образом можно отсюда вывести, что В. И. Ленин имел в виду «явление чисто биологическое», когда писал о первобытном стаде?

Таким образом, с какой бы стороны ни подойти к рассматриваемому вопросу, нет никаких оснований согласиться с тем, что положения Б. Ф. Поршнева о происхождении человеческого общества являются развитием мыслей классиков марксизма-ленинизма.

⁵ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1952, стр. 134.

⁶ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 35, стр. 93.